

**Рикардо Мартин де ла Гуардия,
Гильермо А. Перес Санчес**

**Мыслитель Европы
Исторические размышления в пятидесятую
годовщину смерти Ортеги-и-Гассета**

Жить в свое удовольствие – удел плебея,
благородный стремится к порядку и закону.
И. В. Гете

**Предисловие. Ортега-и-Гассет: от первооткрывателя до
старейшины европейской идеи**

В настоящее время всеми признается тот факт, что Ортега-и-Гассет являлся одним из наиболее видных поборников европейской идеи¹ в межвоенный период², в особенности после

¹ Согласно энциклопедическому словарю *Diccionario de la Real Academia Española, europeísta* (европеист) – это тот, кто «симпатизирует Европе» и является «сторонником европейского единства». Принимая во внимание вышесказанное, мы также утверждаем, в соответствии с толкованием Луиса Альберто Моратиноса Лагартоса, что «европеизм» – это «совокупность идей, мыслей и действий, совершенных на протяжении столетий многочисленными интеллектуалами и мыслителями с целью создания основ цивилизации (европейская самобытность) и философии (европейский дух), которые имели бы общеевропейский характер, а также с целью разработки на базе указанных общеевропейских черт целой серии политических, общественных, экономических и культурных реалий, которые позволили бы различным народам Европы начать процесс наднациональной интеграции, кульминацией которой должно было стать создание „Соединенных Штатов Европы“, которые бы преодолели барьеры разрозненных национальных государств европейского континента». См. L.A. Moratinos Lagartos, *José Ortega y Gasset: el europeísmo de un pensador español // Trabajo de Investigación de Tercer Ciclo: inédito* —, Valladolid, Universidad de Valladolid, 2003, p. 17. По словам самого Хосе Ортеги-и-Гассета,

издания в 1930 году одного из наиболее значимых его произведений – «Восстание масс»³. С учетом вышесказанного, основную цель настоящей статьи можно определить следующим образом: доказать, что европейское подвижничество испанского мыслителя⁴ не исчерпало себя на том этапе развития, а наоборот, после преодоления трагических последствий второй мировой войны, возродилось с новой силой в первые же послевоенные годы, главным образом, благодаря его книге «Размышление о Европе», изданной в 1949 году. Действительно, если в межвоенный период Ортега выступал как пионер европейской идеи, то после второй мировой войны – в 1953 году – он мог быть справедливо признан, выражаясь словами самого Ортеги, старейшиной европейской идеи. «С большой вероятностью можно предположить, что именно я, среди всех

«европеизм» – это то, что относится к «общности европейских народов». *Meditación de Europa // Obras Completas*, Tomo IX, Madrid, Revista de Occidente, 1962, p. 303.

- ² Дени де Ружмон отметил приверженность Ортеги европейской идее и его вклад в европеизм в период между двумя мировыми войнами. Так, испанский мыслитель занимает заметное место в анализе реалий Европы того времени («Европа под вопросом»), которая стоит перед угрозой своего уничтожения либо, наоборот, на пороге своего очередного расцвета – последний вариант развития отстаивал Ортега, который, как известно, сделал ставку на наступление «предраассветных сумерек». В то же время, при определении европейских ценностей, основанных на «единстве в многообразии», также прибегают к идеям Ортеги о единстве Европы, изложенных в книге «Восстание масс». Ср. D. de Rougemont, *Vingt-huit siècles d'Europe. La conscience européenne à travers les textes. D'Hésiode à nos jours*, Paris, Christian de Bartillat, 1990, p. 325-332 и p. 386-401 соответственно.
- ³ Как писал Хосе-Луис Абельян, «невзирая на то, что речь идет об одном из самых известных его произведений, читатели и критики „Восстания масс“ не обратили должного внимания на то, какое место в данном произведении отводится европейской идее. Возможно, из-за необычности названия и основного сюжета книги читатель упускает один из основных тезисов: тезис о пришествии „Соединенных Штатов Европы“. Тот факт, что эти страницы были написаны в период между 1926 и 1928 гг., указывает на то, что Ортега был пионером современного процесса строительства объединенной Европы (...)». J.L. Abellón, *Historia crítica del pensamiento español: tomo V, vol. III: La crisis contemporánea: de la Gran Guerra a la Guerra civil española (1914-1939)*, Madrid, Espasa-Calpe, 1991, p. 216.
- ⁴ Ср. B. Fonck, *Un penseur de l'Europe: José Ortega y Gasset // „Transversalités – Revue de l'Institut Catholique de Paris“*, nr. 89 (Janvier-Mars 2004), p. 151-164. Альбер Камю считал Ортегу-и-Гассета, философа, мыслителя Европы, самым великим европейским писателем после Ницше.

ныне живущих, – утверждал испанский мыслитель, – являюсь старейшиной европейской идеи»⁵.

Европеистские притязания Ортеги: от «Восстания масс» до «Размышления о Европе»

С первых лет двадцатого века начали возрождаться основы Европеистского мышления, которое достигло широкого распространения после окончания первой мировой войны. Среди поборников и покровителей идеи единой Европы в межвоенный период можно особо выделить австрийского аристократа графа Рихарда Куденхове-Калерги и французского политика Аристида Бриана.

В середине межвоенной эпохи, в октябре 1923 года, в книжных магазинах появилась книга Рихарда Н. Куденхове-Калерги «Пан-Европа»⁶. Автор данной публикации высказывает надежду на возрождение европейской идеи, которая сможет стать опорой для восстановления и интеграции стран континента на основе новой экономики, новой политики и нового общества, а также способствовать созданию нового движения как авангарда Европеистского идеала: но данное движение могло достичь своих целей только в том случае, если бы оно получило поддержку наиболее активных и вовлеченных в процесс развития социума общественных групп, обладающих несокрушимой волей, необходимой для преобразования Европы в общую родину европейцев. Таким образом, была необходима постоянная поддержка со стороны общественного мнения, со стороны интеллектуалов, студентов, предпринимателей и профсоюзных активистов, а также политических лидеров, способных убедить правительства европейских стран в необходимости участия в процессе общеевропейской инте-

⁵ J. Ortega y Gasset, *Europa y la idea de nación. (Y otros ensayos sobre los problemas del hombre contemporáneo)*, Madrid, Revista de Occidente en Alianza Editorial, 1985, p. 20.

⁶ Смотрите в этой связи: R. Martín de la Guardia, G.Á. Pérez Sánchez, *Estudios Preliminar // R. N. Coudenhove-Kalergi, Paneuropa*, Madrid, Tecnos, 2002, p. XI-XLVIII.

грации: мирного объединения – сначала на уровне границ и экономики, а затем и на уровне политики – в «Соединенные Штаты Европы». В данном отношении, по словам Генри Бругманса, начиная с этого времени, европейский идеал зиждился на «созидательной воле к объединению»⁷.

Благодаря усилиям Куденхове-Калерги, в 1924 году в Вене выходит в свет «Европейский манифест», где в качестве основной цели провозглашалось объединение континента. Манифест был разработан с целью популяризации идеи «Панъевропейского союза» и убеждения граждан в том, что патриотизм и вера в Европу зарождались в лоне каждого национального государства и что обе реалии являлись взаимодополняющими. Следующим шагом явился созыв Панъевропейского конгресса, который был проведен в Вене 3-6 октября 1926 года. В Конгрессе приняли участие более двух тысяч делегатов из 25 стран, которые оформили в виде официальных документов принципы, изложенные в «Пан-Европе». Пропагандистский успех Конгресса был необычайным. Куденхове-Калерги смог привлечь видных деятелей той эпохи, которые поддержали его проект, а средства массовой информации всей Европы выступили в качестве популяризаторов его постулатов. В то время движение, выступавшее за объединение Европы, получило мощный толчок к развитию. Спустя три года после опубликования «Пан-Европы» более или менее официальными сторонниками идей Куденхове-Калерги являлись многие представители европейской науки и культуры: австрийцы Стефан Цвейг, Райнер Мария Рильке, Зигмунд Фрейд и Артур Шнитцлер; немцы Альберт Эйнштейн, Германн фон Кайзерлинг и Томас Манн; шведка Сельма Лагерлеф; испанцы Мигель де Унамуно и Хосе Ортега-и-Гассет; итальянцы Гульельмо Ферреро и Бенедетто Кроче; французы Жюль Ромен, Поль Валери и Поль Клодель⁸.

⁷ Н. Brugmans, *La idea de Europa, 1920-1970*, Madrid, Editorial Moneda y Crédito, 1972, p. 25.

⁸ Ср. Y. Muet, *Le début européen dans l'entre-deux-guerres*, Paris, Economica, 1997, p. 38.

Во второй половине двадцатых годов Аристид Бриан, министр иностранных дел Французской Республики и Почетный председатель Панъевропейского союза, начал вынашивать план действий, который, благодаря поддержке Лиги Наций, мог бы стать решительным шагом к созданию общеевропейского союза, покончив с раздробленностью и скрытыми конфликтами, которые после первой мировой войны обострились до предела. 5 сентября 1929 года, в ходе X Очередной сессии Пленарной ассамблеи Лиги Наций, Бриан изложил свои идеи относительно плана объединения Европы под эгидой данной организации. Для популяризации своего предложения, а также по поручению делегатов европейских стран – членов Лиги Наций, Бриан подготовил «Меморандум», который был представлен на XI Пленарной ассамблее Лиги Наций, проведенной 11 сентября 1930 года. В «Меморандуме» четко оговаривалось стремление создать «Общий рынок с целью максимального повышения благосостояния людей, проживающих на территории Европейского сообщества». Бриан выступает в защиту принципа «морального единения» и вновь говорит о необходимости сотрудничества и солидарности всех наций Европы с целью скорейшего создания гибкого союза, в котором с уважением относились бы к независимости и национальному суверенитету каждого государства, но который, в то же время, позволил бы сделать первый шаг к экономическому объединению Европы.

В итоге Ассамблея Лиги Наций одобрила проект создания Комиссии по изучению возможности создания Европейского союза, которая должна была дать более четкое определение изложенным в «Меморандуме» целям и подготовить сводный отчет относительно проекта создания Содружества. Комиссия плодотворно работала на протяжении последующих месяцев, но смерть Бриана, а также изменение политической ситуации в Германии, связанное с приходом к власти Национал-социалистической партии, затормозили данную инициативу, что явилось, по выражению Антонио Труйола, «концом эпохи, в которой сохранялись определенные иллюзии» относительно

европейской идеи⁹. В этом необратимо прерванном процессе также принимали самое активное участие испанцы Сальвадор де Мадарьяга¹⁰ и, в особенности, Хосе Ортега-и-Гассет, которые и в дальнейшем сделали ставку на необходимость возрождения Европы, основанного на постулате неизбежности единства.

Действительно, в то же время, когда в 1929-30 годах политик Бриан занимался развитием панъевропейского движения Куденхове-Калерги и популяризацией проекта «Европейского сообщества» в рамках Лиги Наций, мыслитель и философ Ортега-и-Гассет воплощал свою приверженность идее европеизма в «Восстании масс»¹¹, которое было им дополнено в 1937 и 1938 годах во «Введении к французскому изданию» и в «Послесловии к английскому изданию»¹². Будучи приверженцами идеи европейского единства, Куденхове-Калерги, Бриан и Ортега – как острия копья панъевропейского движения – хотели заставить европейца межвоенной эпохи осознать сложную задачу и представить себе политическую, экономическую и культурную организацию, стоящую над тесными, затхлыми государствами старого мира, принять участие в общем пред-

⁹ A. Truylol, *La integración europea. Análisis histórico-institucional con textos y documentos. I. Génesis y desarrollo de la comunidad Europea (1951-1979)*, Madrid, Tecnos, 1999, p. 32.

¹⁰ Смотрите, среди прочих работ, его книгу *Carácter y destino en Europa*, Madrid, Espasa-Calpe, 1980.

¹¹ Как правильно отметил Луис-Альберто Моратинос, через два года после публикации «Восстания масс», в момент кульминации первого этапа европеизма Ортеги, Мануэль Гарсия Моренте, его ученик и друг, соотнес данную приверженность испанского мыслителя с идеей европейского единства и способствовал распространению данной идеи по всей Европе, выступив на Конгрессе моральных и исторических наук, проведенном в Италии в 1932 г. Ср.: L.A. Moratinos Lagartos, *José Ortega y Gasset: el europeísmo...*, p. 70-72.

¹² Во «Введении к французскому изданию» 1937 г. Ортега по-прежнему настаивал на принципе единства в многообразии как основополагающем в создании единой Европы, а также различал общеевропейское и национальное как непреложные связующие элементы европейской жизни. С другой стороны, как в упомянутом «Введении», так и в «Послесловии к английскому изданию» 1938 года Ортега не переставал превозносить либеральные ценности, которые он воспринимал как фундамент единства Европы и лучшее средство против пагубного яда правящих тоталитарных режимов, как коллективистской коммунистической системы, так и расистского национал-социализма.

приятии по созданию Соединенных Штатов Европы, европейского союза, преобразовать Европу в идеальное пространство для национального развития, основываясь на принципе единства в многообразии¹³. Таким образом, как верно подмечает Хуан-Пабло Фуси, в период между обеими мировыми войнами среди приверженцев европейской идеи «граф Куденхове-Калерги обладал наиболее стойкой волей, Бриан проявлял наиболее четко сформулированные инициативы, а Ортега выдвигал наиболее амбициозные аргументы»¹⁴.

Ортега делает ставку на объединение Европы, начиная с «Восстания масс», и его идеи оставались неизменными на тот момент, когда он вновь выдвинул их в трагические годы второй мировой войны и в первые годы после ее окончания, о чем явно свидетельствует содержание его известной и очень важной лекции «Размышление о Европе», опубликованной в 1949 году. В то время как Европа была ввергнута в хаос, была разрушена, как материально, так и морально, Ортега изо всех сил старался указать ей верный путь, который привел бы к возрождению идеи объединения. Как точно подметил Гарольд К. Рейли, речь шла о том, чтобы «показать людям, что их взаимодействие в общем деле созидания политического един-

¹³ Что касается данного вопроса, то, по словам Хавьера Саморы Бонильи, «идея единой Европы, которую отстаивал Ортега, а также связанный с нею политический проект, были оригинальными, хотя и имели много общего с аналогичными подходами, которые получили большое распространение в Европе» в 1920-х гг. J.Z. Bonilla, *Ortega y Gasset*, Barcelona, Plaza-Janés, 2002, p. 302. Для Хосе-Мари Бенейто, исторический процесс, начавшийся в Старом Свете в начале двадцатого века, привел к «изменению европейского видения» Ортеги и, как результат, к «формулированию им точки зрения относительно объединения Европы как истинной силы континента и либеральной альтернативы тоталитарным режимам в «Восстании масс» (1930) и «Размышлениях о Европе» (1949)». J.M. Beneyto, *Tragedia y razón. Europa en el pensamiento español del siglo XX*, Madrid, Taurus, 1999, p. 129.

¹⁴ J.P. Fusi, *La crisis de la conciencia europea* // M. Cabrera, J. Santos, P. Aceña, M. Aceña (Comps.), *Europa en crisis, 1919-1939*, Madrid, Fundación Pablo Iglesias, 1991, p. 338.

ства имеет цель, направление и значение», если только на то будет их вера и сила духа¹⁵.

Именно в годы второй мировой войны видные политики, стоявшие во главе движения сопротивления нацизму и фашизму, а также интеллектуалы, которым был чужд любой вид тоталитаризма, начиная с Ортеги-и-Гассета, вновь подтвердили свою приверженность европейской идее, встав во главе целого ряда инициатив, благодаря которым удалось создать крупное движение европейского толка сразу после войны и в последующие годы¹⁶. Эти движения сопротивления, имевшие, надо признать, глубоко национальный характер, также были полны уверенности в том, что очень важно не повторять ошибок 1919 года при определении основных направлений реорганизации и восстановления Европы после окончания войны, и этот фактор, в итоге, стал решающим в ходе проведения анализа проекта интеграции, выдвинутого правительствами стран Западной Европы и самим гражданским обществом. Эти ратовавшие за объединение Европы группы в июле 1944 года приняли в Женеве «Манифест европейских движений сопротивления»¹⁷, который позднее был опублико-

¹⁵ H.C. Raley, *Ortega y Gasset, filósofo de la unidad europea*, Madrid, Revista de Occidente, 1977, p. 194-195.

¹⁶ В Италии, среди прочих, особенно активную позицию занимали Альтьеро Спинелли и Эрнесто Росси, основатели журнала „Uniti' Europea“ («Европейское единство»), авторы значимого произведения «За свободную и единую Европу» (также известного как «Манифест Вентотене») и стойкие апологеты федерализма (в 1943 г. в Милане ими было создано «Европейское федералистское движение»). Француз Анри Френе в 1944 г. учреждает «Французский комитет в защиту Европейской Федерации». В Германии видную роль сыграл Ойген Когон, который основал «Европейский союз федералистов Германии», который своей целью (как Макс Вебер по окончании первой мировой войны) определил необходимость того, чтобы Германия – с ее интеллектуальным потенциалом и уровнем социально-экономического развития – внесла свой вклад в претворение в жизнь нового проекта создания мирной и объединенной Европы. Ср.: G.Á. Pérez Sánchez, *El ideal europeísta: de la modernidad a la contemporaneidad* // R. Martín de la Guardia, G.Á. Pérez Sánchez (Comps.), *Historia de la integración europea*, Barcelona, Ariel, 2001, p. 46-50.

¹⁷ В этот швейцарский город съехались делегаты от девяти стран: Франции, Германии, Италии, Норвегии, Бельгии, Нидерландов, Чехословакии и Югославии.

ван в виде книги «Европа завтрашнего дня». В этом произведении речь шла о создании федеративного союза всех народов Европы как единственном средстве установления мира на земле, обеспечения нерушимости европейской цивилизации, защиты свободы, демократии, о возможности восстановления Старого Света общими усилиями с целью обеспечения социальной справедливости, а также устойчивого и согласованного развития народов Европы.

В рамках данного процесса приверженность европейской идее, прослеживаемая в произведениях Ортеги-и-Гассета в период до и после второй мировой войны, заметно выделялась на фоне всей панорамы европеизма. По мнению исследователей европеистского наследия Ортеги, испанский мыслитель в те критически важные для его творчества годы – между появлением «Восстания масс» и лекцией о «Размышлении о Европе» – по праву занимал самое видное место среди поборников идеи единой Европы. Для данных исследователей текст лекции «представлял собой панораму будущего»¹⁸. Таким образом, траектория философской мысли Ортеги до и, в особенности, после второй мировой войны указала на значимость Ортеги как европейского философа и как мыслителя-созидателя идеи Европы в самые первые послевоенные годы; по словам Хавьера Саморы Бонильи, перед нами «одна из наиболее четко обозначенных исходных точек всего последующего

¹⁸ J. Uscatescu, *Ortega y Gasset, personalit  europea attuale*, Bolzano, ПЕЕ, 1979, p. 182. В 1980 г., через двадцать пять лет после смерти Ортеги-и-Гассета, этот автор написал об Ортеге и его «Размышлении о Европе», представляя данную лекцию как «впечатляющий документ», обосновывающий необходимость возрождения идеи единой Европы. См. *Ortega y Europa // La otra cara de la libertad*, Madrid, Forja, 1985. - С. 357-360. Почти десятилетие спустя, в 1989 г., Хорхе Ускатеску попросили выступить на проводимых в Эскориале Летних курсах с докладом на соответствующую тему – «Создатели Европы». В ходе своего блистательного выступления Ускатеску рассуждал о «Кузнецах европейского духа», зачислив Ортегу – «кельтибера Эскориала» – в число «создателей» Европы. Как подчеркнул в своей эскориальской речи Ускатеску, «новое сознание или самосознание на новом этапе развития европейского духа отражено во всем известных текстах, явившихся на свет в конце двадцатых и в начале сороковых годов столетия, и эти тексты явились учредительными документами новой Европы [речь шла о «Восстании масс» и «Размышлении о Европе»]. Madrid, Universidad Complutense, 1990, p. 18.

европеизма»¹⁹. Действительно, начиная со второй половины двадцатого столетия испанский Мыслитель не отказался от своего намерения заниматься популяризацией ценностей и стиля жизни, присущих европейской цивилизации. В данном отношении Хосе Ласага Медина, говоря о других философах и мыслителях, сравнимых с Ортегой, таких, как Томас Манн или Бертран Рассел, подчеркивает, что Ортега – «это философ Европы в другом, более важном смысле. Возможно, он был мыслителем, который с наибольшей энергией размышлял о том, что, несмотря на различие языков и общественного строя государств, которые столкнулись между собой в беспощадной войне, Европа была не только мечтой, но и исторической реальностью, культурный и политический масштаб которой мог служить основой для возрождения Европы»²⁰.

В данном отношении мы должны еще раз подчеркнуть, что уже в первые годы второй мировой войны, а также после ее завершения, Ортега вновь выступил в роли апологета процесса объединения Европы – единственной жизненно необходимой ставки, которую можно было сделать для того, чтобы, залечив собственные раны, вырвать Европу из объятий внутреннего декаданса и внешнего остракизма, а затем вновь сделать ее первым голосом в международном хоре. Таким образом, в самые первые послевоенные годы мир, разделенный «холодной войной» на блоки, мог выполнять функцию «катализатора единения», процесса, который мог привести к «деморализации настоящего», при этом, как удачно подметил Рейли, «воскрешение Европы – Европы, уверенной в своих целях, открытой будущему и уверенной в своих идеалах» – могло стать достойным ответом экспансионизму советского коммунизма²¹. В конечном счете, мы имеем доказательство непреклонной приверженности европейской идее старейшины этой

¹⁹ J.Z. Bonilla, *op.cit.*, p. 302.

²⁰ J. Lasaga Medina, *José Ortega y Gasset (1883-1955). Vida y filosofía*, Madrid, Biblioteca Nueva, 2003, p. 166.

²¹ H.C. Raley, *op.cit.*, цитаты между кавычками на p. 196 и 197.

идеи, который был верен своему подвижничеству мыслителя, возлагавшего большие надежды на объединение Европы²².

Таким образом, как правильно заметил Хосе Ласага Медина, Европа была «одним из основных предметов размышления Ортеги в последние годы его жизни. Будучи верным императиву актуальности, который был главным в его творчестве, Ортега вновь поставил перед собой задачу определить способ спасения из сложившихся обстоятельств. Только в данном случае, в силу произошедших событий, ситуация сложилась не в Испании, а в Европе»²³. Таким образом, успех интеграционного процесса в период после второй мировой войны противопоставлялся трагедии, которую, начиная с 1930-х годов, переживала Европа. По этой причине с начала 1950-х годов Ортега горько сетовал на то, что его никто не услышал и не принял, когда в период между двумя мировыми войнами он взывал к единению Европы.

Европеизм Ортеги в межвоенный период: вокруг «Восстания масс»

Для всех и вся Великая война стала воплощением глубочайшего кризиса, который Европа переживала в начале двадцатого века. Не были исключением Испания и испанцы. Европа, которая до начала первой мировой войны представлялась таким краеугольным камнем крайне необходимого перерождения закоснелой испанской нации, начиная с 1918 года явила собой образ коллективного фиаско; по словам

²² Как отметил Хуан-Пабло Фуси, начиная с «Размышления о Европе», написанного Ортегой в 1949 г., «желание определить то, что Европа значила в истории, и то, что она должна продолжать значить, поиск теории Европы, которая наполнила бы культурно-философским смыслом и содержанием экономическое и политическое единство, проявлялось параллельно с созданием институтов объединенной Европы». J.P. Fusi, *La patria lejana: el nacionalismo en el siglo XX*, Madrid, Taurus, 2003, p. 259.

²³ J.L. Medina, *op.cit.*, p. 156.

Хулиана Мариаса, стало очевидным, что «Испания уже не может надеяться на Европу так же, как раньше»²⁴.

Но, по мнению того же Мариаса, Великая война также явилась свидетельством «раскола Европы». Именно поэтому настолько сложной представлялась задача восстановления ценностей цивилизации: раскол продолжал углубляться в течение всего межвоенного периода, приведя к появлению тоталитарных режимов и к трагическому началу второй мировой войны. Тенденция к усилению тоталитаризма «никогда не была приемлемой [для Ортеги], потому что для него это было предательством по отношению к Европе и, следовательно, каждой отдельно взятой европейской стране»²⁵. Именно после катаклизма Великой войны Ортега диагностировал декаданс европейского человека, отсутствие нравственности, его дезориентацию. Испанский мыслитель так объясняет это в 1923 г.:

«Мы сохраняем ориентацию, пока нам еще совершенно ясно, где у нас помещается север и где юг, некие крайние отметины, служащие непоколебимыми точками отсчета для наших действий и движений (...). Вообразите себе на минуту такой сдвиг, когда великие цели, вчера придававшие ясную архитектуру нашему жизненному пространству, утратили свою четкость, притягательность, силу и власть над нами, хотя то, что призвано их заменить, еще не достигло очевидности и необходимой убедительности. В подобную эпоху окружающее нас пространство чудится распавшимся, шатким, колышу-

²⁴ «Ранее, – вновь повторяет Мариас, – я показал, что в это время заканчивается эпоха, в которой «европеизация» рассматривается как основная идея развития Испании: во многом потому, что данная идея уже была реализована и Испания уже значительно продвинулась вперед в данном направлении, но также и потому, что ориентиры – под воздействием глубокого конфликта – перестали быть достаточно четкими». J. Marias, *Ortega. (2) Las trayectorias*, Madrid, Alianza, 1983, p. 55.

²⁵ Согласно Марисасу, для которого европейские нации «созданы из Европы», «Ортега не мог отрицательно относиться к преданности европейцев своим национальным государствам, но он полагал, что таковая преданность не могла проявляться в ущерб Европе, как отрицание Европы, так как неверность общему субстрату отражается на предполагаемой преданности собственной нации, выхолащивая ее либо сводя на нет». См. *Там же*, p. 61.

щимся вокруг индивида, шаги которого тоже делаются неуверенными, потому что поколеблены и размыты точки отсчета. Сам путь, словно ускользая из-под ног, приобретает зыбкую неопределенность (...). Западный человек заболел ярко выраженной дезориентацией, не зная больше, по каким звездам плыть»²⁶.

Но, невзирая на крушение Европы, обусловленное Великой войной, Ортега, который всегда полагал, что потерпевший кораблекрушение должен плыть, чтобы спастись, не переставал размышлять о позитивном и разрабатывать для Старого Света, шедшего ко дну, как мифическая Атлантида, новый коллективный проект сосуществования: единство Европы на основе многовековой цивилизации. Действительно, в конце двадцатых годов работы Ортеги-и-Гассета получили еще больший резонанс ввиду того, что в них шла речь о необходимости возрождения Европы, в основе которого лежало стремление к европейскому единству. В данной связи представляются весьма важными изложенные в ключевом, изданном в 1930 году произведении «Восстание масс», мысли о естестве Европы:

«Европейцы не умеют жить без великого общего дела. Если его нет, они опускаются, опошляются, душа их расшатана. Сейчас началось именно это. Государственные образования, которые до сих пор называются нациями, достигли наивысшего развития сто лет тому назад, возможно, чуть позже. Они дали все, что могли, и теперь им остается лишь перейти в новую, высшую стадию. Они уже только прошлое, облепившее Европу; они связывают и обременяют ее (...). Только решение создать из народов Европы новую великую нацию могло бы возродить Европу. Она снова обрела бы веру в себя, ее пульс оживился бы, она взяла бы себя в руки, собралась бы (...)»²⁷.

Именно в этот момент, который совпал по времени с публикацией «Восстания масс», Ортега изложил свое видение

²⁶ J. Ortega y Gasset, *El tema de nuestro tiempo. Prologo para alemanes*, Madrid, Tecnos, 2002, p. 124-125.

²⁷ J. Ortega y Gasset, *La rebelión de las masas*, Madrid, Espasa-Calpe, 1980, p. 199-200.

насушной необходимости объединения Европы, которая чувствовалась многими. В соответствии с европейскими постулатами, с 1923 года формулировавшимися, в первую очередь, Куденхове-Калерги и Брианом, великий проект испанского мыслителя также предусматривал образование некоего подобия Соединенных Штатов Европы. Как писал сам Ортега в 1937 году, через несколько лет после опубликования «Восстания масс»:

«(...) Вовсе не обязательно, чтобы общее историческое пространство, где западный человек чувствует себя как дома, совпадало с тем физическим пространством, которое география именуется Европой. Историческое пространство измеряется длительностью сосуществования, это пространство общественное. Сосуществование и общество – равнозначные понятия. Общество создается автоматически самим фактом сосуществования. Последнее неизбежно и самопроизвольно вырабатывает обычаи, нравы, язык, право и политический строй (...). Я пытался внушить мысль [вышесказанным] о том, что европейские народы с давних времен являются обществом в том же смысле слова, какой применяется к каждому из народов, в него входящих. У этого единства все признаки общества: существуют европейские нравы, европейские обычаи, европейское общественное мнение, европейское право, европейская политическая власть. Но все эти общественные признаки существуют на той стадии развития, на которой находится это европейское общество, которое, естественно, уступает в развитии своим составным частям – национальным государствам»²⁸.

Европа, о которой помышлял Ортега, была не фикцией, а реальностью, такой же реальностью, как и сами нации, составляющие и не отрицающие ее, при этом в основе Европы лежит именно многоликость, которую ей придают нации. Для Ортеги «эта единая природа великолепного европейского разнообразия» была носительницей «здоровой общности, плодотворной и желанной, заставившей еще Монтескье сказать:

²⁸ «Введение к французскому изданию», в *La rebelión de las masas*, p. 38-39.

„L'Europe n'est qu'une nation composée de plusieurs”, а Бальзака повторить в более романтическом ключе: „Grande famille continentale, dont tous les efforts tendent à je ne sais quel mystère de civilisation”²⁹. Но помимо разнообразия существовала еще и свобода – на этих понятиях зиждется сущность Европы, и это заставляет нас обратить внимание на веру Ортеги в «европейскую миссию» британского народа, о которой он говорит в «Послесловии к английскому изданию» 1938 г. «Восстания масс». В указанном послесловии Ортега акцентирует внимание на выходе из ситуаций, которые за предыдущее столетие привели европейские нации к тому, что они стали «презирать и поносить друг друга только на основании существующих между ними различий»³⁰. Таким образом, если конфликты и войны явились вехами европейского прошлого, преодоление конфликтов, прекращение войн, стремление к миру, по словам Ортеги, может быть возможным только при условии «действенного существования европейского сообщества»³¹, которое, по мнению Ортеги, несомненно, существует на протяжении многих веков.

Все вышесказанное ставило Европу перед выбором, перед лицом новой морали, выраженной в европейском проекте единства Европы. Уже в размышлениях, изложенных в «Восстании масс», Ортега представил свои варианты решения проблем, с которыми столкнулась Европа того времени. Таким образом, для испанского мыслителя проект объединения Старого Света был наилучшим способом преодоления кризиса, связанного с деморализацией Европы: было необходимо преодолеть порочный национализм, не впадая в искушение тоталитаризма. Вышесказанное имеет историческое обоснование: «Ортега, – по словам Рейли, – всегда рассматривал Европу как

²⁹ Там же, р. 41-42.

³⁰ Ср. «Послесловие к английскому изданию» // *La rebelión de las masas* р. 210-211.

³¹ *En cuanto al pacifismo* // *La rebelión de las masas*, р. 223. Эссе «Относительно пацифизма» также было задумано для англичан и, будучи написанным в 1937 г., было опубликовано на английском языке в июне 1938 г. с целью (по словам Ортеги) «сотрудничества в деле восстановления Европы».

широкое сообщество с самого момента ее образования. По его мнению, фундаментальное единство Европы предшествовало во времени моменту образования различных стран, то есть европейское единство старше, чем любая форма национализма». Таким образом, по мнению Рейли, «европеизм такого рода [Ортеги] становится еще важнее сегодня, когда с национализмом не связаны надежды на будущее»³². Но только в подобной кризисной ситуации, как заключает Ортега, могли бы возникнуть Соединенные Штаты Европы, иными словами, многообразии в единстве. Новая Европа – многоликая, толерантная и либеральная, возникшая, как и ожидал Ортега, из несравненного энтузиазма европейцев³³. По этой причине, согласно Ортеге, главной задачей является создать Европу: «Мы, населяющие эту часть планеты, должны наконец выполнить то задание, заключенное в слове Европа, к которому нас обязывает история последних четырех столетий. Этому препятствует только предрассудок старых «наций», идея нации, связанной своим прошлым. Нам предстоит показать, что европейцы происходят не от жены Лота и не собираются делать историю, глядя назад, в прошлое»³⁴.

Как правильно отметил Хулиан Мариас, для Ортеги «формирование национальных общностей послужило образцом для понимания того, что также могло быть «переходом к другому роду»: к европейской сверхнации, а не к более крупной нации. (...) Нации сформировались не на основе кровного единства, не на основе «национальных граней», не на основе языкового единства. Национальное государство скорее ниве-

³² H.C. Raley, *op.cit.*, p. 180.

³³ Ортеге казалось «безрассудным ставить европейскую жизнь на одну-единственную карту, делать ставку на один и тот же человеческий тип, на одну и ту же „ситуацию“. Стремление избежать этого – секрет европейских успехов, и все, что звучало, внятно или невнятно, из уст неистребимого европейского либерализма, рождено сознанием упомянутого секрета. В этом сознании распознавал себя как безусловную ценность, как благо, а не как зло европейский плюрализм. Я должен был все это прояснить, чтобы выдвинутая в моей книге идея европейского сверхгосударства не толковалась превратно». J. Ortega y Gasset, *Obras*, IX..., p. 697.

³⁴ J. Ortega y Gasset, *La rebelión...*, *op.cit.*, p. 198.

лирует этнические и языковые различия»³⁵. Таким образом, национальное государство «представляет собой „проект совместного дела“, сущность его чисто динамическая; оно – деяние, общность действия»³⁶. Именно эти идеи Ортега, преисполненный тревоги, развивал во «Введении к французскому изданию» и в «Послесловии к английскому изданию», когда увидел, что Европа находится на грани разрушения, что она вот-вот исчезнет со страниц истории по причине мракобесия и отсутствия воображения»³⁷.

Для того чтобы правильно понять приверженность Ортеги к европеизму, мы должны не забывать о направленности его философской мысли, неразрывно связанной с Европой. Как объясняет Хосе Ласага, вторая часть «Восстания масс», в особенности, «представляет собой первую серьезную работу, в которой философ соотносит политические события того времени – большевистскую и фашистскую „революции“, импортированные в глубоко деморализованную Германию из России и Италии, – с построением Европы как политического института, что было возможным лишь при том условии, что нации, представляющие собой пространство европейского сосуществования, поймут, что их национальное самоопределение является „частью“ более широкой исторической реалии и

³⁵ «Вступление» в *La rebelión de las masas*, p. 28-29.

³⁶ Для того чтобы понять, что представляет собой Европа для европейцев сегодняшнего дня, мы можем обратиться к Ортеге: «„Эллада“ была для греков IV века, „Испания“ для „испанцев“ XI и даже XIV века тем же, чем „Европа“ для европейцев XIX века. Как видим, задачи и попытки национального объединения следуют во времени подобно звукам в мелодии. Вчерашнее простое тяготение может завтра стать вспышкой оформленных национальных чаяний. И можно не сомневаться, что эта вспышка неизбежно угаснет. Сейчас для „европейцев“ приходит время, когда Европа может стать национальной идеей. Вера в это будущее гораздо менее утопична, чем предсказания XI века о единстве Испании или Франции. Чем тверже будет „Национальное Государство Запада“ отстаивать свою подлинную сущность, тем вернее оно превратится с огромное государство-континент. Как только нации-государства Запада выходят за рамки своего нынешнего профиля, вокруг них и под ними, как фон, возникает Европа». J. Ortega y Gasset, *La rebelión ...*, op.cit., p. 196-197.

³⁷ «Введение» в *La rebelión de las masas*, p. 29.

что только с признанием себя составной частью единого наднационального „целого” возможно спасение самих этих наций»³⁸. Казалось, что пришло время для реализации проекта объединения Европы, как это постулировал сам Ортега в «Восстании масс», но трагедия второй мировой войны отсрочила время воплощения данного проекта более чем на десятилетие.

Европеизм Ортеги в период после второй мировой войны: вокруг «Размышления о Европе»

В действительности работы Ортеги, посвященные проблеме объединения Европы после второй мировой войны, начали создаваться уже тогда, когда война была в самом ее разгаре. Анализируя его работы, написанные в двадцатые и тридцатые годы, стержнем которых явилось произведение «Восстание масс»³⁹, можно сказать, что ими он предварял появление знаменитого «Размышления о Европе», в котором недвусмысленно проявился его постоянно декларируемый европейский патриотизм, его приверженность идее неизбежного возрождения Европы. В одной из работ, написанной в июне 1941 г. и озаглавленной «Европейское общество», Ортега вновь ставит европейцев перед дилеммой выбора своей судьбы и побуждает их не ослаблять усилий, направленных на создание единой Европы, сохраняя при этом национальную сущность: только

³⁸ «Всем известно, – напоминает Хосе Ласага, – что «Восстание масс» тогда мало кто воспринял всерьез. Так и должно было быть, ибо Ортегой был поставлен четкий диагноз: политический партикуляризм ввелся в души европейцев, и они приняли решение строить свое будущее на основе самой прогнившей составляющей своего существования – идеологии национального, национализма. В то время отвергалось всё, что могло послужить спасением. Европа была и остается пространством морали, культурным единством и системой действительности, разделяемой вне зависимости от национальных отличий. Более того, проблема сосуществования, которая встала перед европейскими нациями, имела лишь одно разрешение: отказаться от национальных идиосинкразий и строить Европу на основе ее общих традиций: традиций Греции, Рима, «готического человека» Средневековья и космополитической Европы эпохи Просвещения». J. Lasaga Medina, *José Ortega y Gasset (1883-1955). Vida y filosofía...*, p. 167.

³⁹ Опубликовано в *Obras Completas* – Том IX, из которого уже приводились цитаты – под общим заголовком «Другие смежные работы».

при условии сохранения этого живительного многообразия мог начаться и в должной мере развиваться процесс объединения, о котором до той поры уже так много говорилось. По словам самого Ортеги, «каждая из европейских наций является обществом в самом строгом смысле данного слова, т. е. обществом национальным. Это подразумевает тесное сосуществование немецких индивидуумов бок о бок и наряду с не менее тесным сосуществованием французов во Франции или англичан в Англии. Но дело обстоит таким образом, что помимо данных национальных сообществ – Германии, Франции, Англии – существует еще одно сообщество, в которое они погружены либо на поверхности которого они существуют, и это европейское сообщество. Но следует понимать правильно: я не хочу сказать, что европейское сообщество представляет собой сосуществование европейских наций. Этого нет. Нации не сосуществуют. Вера в это является элементарной социологической ошибкой, доказательством чему послужила Лига Наций. Сосуществуют только индивидуумы. Европейское сообщество также состоит из сосуществования индивидуумов, которые населяют сам континент и прилежащие к нему острова. Данное сосуществование отлично от сосуществования национального, но от этого оно не становится менее эффективным, менее реальным. Это объясняется тем, что в действительности европейское сосуществование предшествовало сосуществованию на уровне наций, существовало еще до формирования таковых: нации создавались в рамках европейского сообщества, представляя собой некое подобие более плотных сгустков крови. Таким образом, драматическая картина истории не представляется полной, когда мы говорим, что ее творили Германия, Франция, Испания, Англия и т. д. Ко всем этим государствам следует добавить еще одно действующее лицо, отличное от них, но такое же активное, – Европу. Что касается «общества», то разница между Европой и европейскими нациями заключается в том, что европейское сосуществование *sensu stricto* является менее заметным, менее плотным, менее наполненным. Но, в то же время, корни его глубже, а

потом оно является более устойчивым. Оно никогда не приобрело ту превосходную степень общества, которую мы называем государством, но оно всегда, непрерывно, хоть и с переменной силой, проявлялось в иных характерных формах «коллективной жизни», коими являются реалии интеллектуального, эстетического, религиозного, нравственного, экономического, технического характера⁴⁰.

Ортега конструктивно, с жизнеутверждающей позиции воспринял всеобщее крушение, к которому привела вторая мировая война. Как мы уже знаем, для Ортеги потерпеть кораблекрушение не означало утонуть, а наоборот – плыть, для того чтобы спастись. Таким образом, в тот решительный момент, который настал с окончанием войны в Старом Свете, Ортега продолжал с неиссякаемым энтузиазмом верить в возрождение Европы. И действительно, после окончания второй мировой войны наступил чрезвычайно важный период, который требовал обновленных усилий и энтузиазма для скрупулезного восстановления единого европейского пространства и нравственного перевооружения европейских граждан. И Ортега был готов принять активное участие в этой работе, назревшей к моменту нового рассвета, новых «предрассветных сумерек», которые предвещали начало процесса европейской интеграции.

Как уже было отмечено, началом нового периода европейского философствования Ортеги послужила лекция *De Europa meditatio quaedam* («Размышление о Европе»), прочитанная 7 сентября 1949 года в Свободном университете Берлина, в западном секторе этого города, разделенного холодной войной, в ходе конференции, посвященной двухсотой годовщине рождения Гёте, «старого назидательного лучника».

Легко понять символическую нагрузку, заключенную в «Размышлении о Европе» Ортеги. Действительно, то был момент, в который возникла необходимость вновь встать на путь, проложенный такими европейцами, как Куден-

⁴⁰ Там же., р. 323-324.

хове-Калерги, Бриан, Черчилль или Сальвадор де Мадарьяга, соотечественник нашего мыслителя, который также отличился в своем стремлении к объединению Европы⁴¹. Чувствуя себя рядовым берлинцем, вдохновленный примером своих соратников-европеистов, Ортега 7 сентября 1949 года выступил перед немцами Берлина, перед европейцами Германии, представляющими всех своих соотечественников по Европе, главных действующих лиц в ситуации «предраассветных сумерек», которые явились началом нового объединительного этапа долгой и нелегкой истории Старого Света:

«В том факте, что наша цивилизация стала чем-то обременительным для нас, в том факте, что мы ставим под сомнение все без „исключения“ ее принципы, вовсе нет ничего печального, достойного сожаления, ведь речь идет не об этапе агонии, а, возможно, наоборот, это означает, что в нас зарождается новая форма цивилизации, следовательно, несмотря на видимые катастрофы – в истории катастрофы являются не такими глубокими, какими они кажутся их современникам, – несмотря на боль, горести и страдания, вот-вот появится на свет новый образ существования человеческого (...).

Из-под поверхностных явлений, воспринимаемых невооруженным глазом – упадка экономики, сумбура политических идей, новый европейский человек является нам из катастрофы, и да возблагодарим катастрофу! (...)

Разрушения являются частью нерушимой экономики истории. Разрушение действительно ужасно для тех, кто от него пострадал, но еще ужаснее было бы, если бы история не была способна на разрушения (...). Поэтому я хотел бы обратиться, в первую очередь, к немцам с призывом вести себя в условиях ужасной катастрофы не только достойно, но даже элегантно, воспринимая ее как то, чем она является – нормальным феноменом истории, одним из обликов нашей жизни. Потому что правда такова, что очень часто жизнь принимает облик поражения (...). [Но] За разрушениями скрывается омоложение.

⁴¹ Ср. J.Z. Bonilla, *Ortega y Gasset...*, p. 475-476.

(...) [И] сохраняйте свою решимость жить, с выдержкой, с энергией, с улыбкой юности, которые должны быть воистину образцовыми (...). Как можно раньше избавьтесь от того, что в вашем теперешнем состоянии духа можно назвать травмирующим последствием ужасной катастрофы, оставьте в себе только главное, то, что, на мой взгляд, состоит из двух вещей: первое – это безграничная способность энергично противостоять невзгодам, которая всегда была присуща немецкому народу, благодаря которой немцы – это единственный пока еще юный духом народ Запада; второе – спокойное, достойное и даже элегантно принятое поражение (...)»⁴².

Решимость противодействовать катастрофе должны были перенять остальные европейские народы в те предрассветные сумерки конца сороковых годов. На это надеялся и этого даже требовал Ортега:

«Дело в том, что для этих народов, которые мы называем европейскими, жить всегда означало (...) продвигаться и действовать в едином пространстве или сфере. Иными словами, существовать для каждого означало сосуществовать со всеми остальными. Данное сосуществование могло принимать как мирный, так и противоборствующий характер (...).

Вовсе не обязательно, чтобы общее пространство, где все люди Запада чувствуют себя как дома, совпадало с тем физическим пространством, которое география именуется Европой. То историческое пространство, которое я имею в виду, измеряется действенностью и длительностью сосуществования (...)»⁴³.

И на основе вышесказанного Ортега показывает, что он называет Европой, что для него Европа:

«Я пытался внушить мысль о том, что европейские народы с давних времен являются обществом в том же смысле слова, какой применяется к каждому из народов, в него входящих. У этого единства все признаки общества: существуют европей-

⁴² J. Ortega y Gasset, *Meditación de Europa...*, p. 250-253.

⁴³ Там же, p. 255-256.

ские нравы, европейские обычаи, европейское общественное мнение, европейское право, европейская политическая власть (...).

В моем строгом понимании, общество являет собой сосуществование людей в рамках определенной системы традиций, потому что право, общественное мнение, политическая власть – это не что иное, как традиции (...).

Но если общество – это то, о чем я только что говорил, то окажется неоспоримым тот факт, что Европа – это и есть общество, более того, Европа как общество существовала до зарождения европейских наций (...). Историю Европы – историю зарождения, роста и цельного развития наций Запада – невозможно понять, если не исходить из данного основополагающего факта: европейский человек всегда одновременно жил в двух исторических пространствах, в двух обществах – одно, менее плотное, но более обширное, то есть Европа; другое, более плотное, но не столь обширное в территориальном отношении, то есть ареал существования каждой нации либо тесные провинции и регионы, которые, как особые формы общества, предшествовали нынешним развитым нациям (...). Таким образом, непростительно было бы считать, что Европа – это утопическое измышление, которое, возможно, станет реальностью только когда-нибудь в будущем. Нет, Европа это не только и не столько будущее, сколько нечто существующее с самых далеких времен; более того, Европа существовала задолго до момента формирования наций, которые имеют такие четкие черты сегодня. Но что действительно необходимо, так это придать этой обветшалой реалии новую форму»⁴⁴.

По мнению Ортеги, процесс реконструкции единого европейского дома находил свое проявление именно в тот момент времени:

«Потому что европейские нации достигли той точки, когда их спасение станет возможным лишь при условии преодоления самих себя как наций, иными словами, в том случае, если

⁴⁴ Там же, р. 257-258.

европейцы согласятся с мнением, что нация, „как наиболее совершенная форма коллективного существования“, является анахронизмом, она бесполезна для будущего развития; в общем, с исторической точки зрения, нация является нонсенсом (...)»⁴⁵.

В отношении вышесказанного Ортега уточняет следующее:

«Итак, не подлежит сомнению тот факт, что все народы Запада испокон веков были погружены в единое пространство – Европу, где всегда существовало европейское общественное мнение. И если оно существовало, не могла не существовать и европейская государственная власть, которая постоянно оказывала воздействие на каждый из европейских народов. В подлинном и строгом смысле, определенная форма европейского государства существовала всегда, и не существует народа, который не ощущал его давления, которое порою было ужасным. Только это наднациональное или вне-национальное государство принимало такие формы, которые очень сильно отличались от форм существования национального государства (...). Но форма существования, присущая европейскому государству (...), всегда являлась динамичной (...).

(...) Единство Европы не является иллюзией: это сама действительность, тогда как иллюзией является прямо противоположное: вера в то, что Франция, Германия, Италия или Испа-

⁴⁵ Что касается вышесказанного, то Ортега также вспоминает свои европейские чаяния межвоенного периода: «Более двадцати лет назад, в силу причин, которые вовсе не являлись непреходящими утопическими и размытыми чаяниями, лежащими в основе мечтаний о государственном единстве Европы, я кричал «Послушайте!» немногочисленному слою политиков, стоящих у власти, я призывал их осознать, что, если немедленно не начать энергично работать во всех наших странах, чтобы затем постепенно – спокойно, досконально и всесторонне анализируя все положительные и отрицательные стороны – перейти к соединению европейских государств в единое над- или вненациональное политическое образование (что не имеет никакого отношения к любому виду интернационализма), мы вскоре увидим, какое жалкое существование будут владеть европейцы и с каким презрением к ним будут относиться. Презрение уже ощущается, и политики ничего не сделали для того, чтобы избежать этого». Там же, p. 265-266. Что касается данной темы, см.: *Quién manda en el mundo? // La rebelión...*

ния являются объективными реальностями, цельными и независимыми»⁴⁶.

В целом, то, что хотел рассказать и чем хотел поделиться Ортега с берлинцами через четыре года после окончания второй мировой войны, имело непосредственное отношение к проекту совместной жизни европейцев, который ставился поверх традиционной структуры государств-наций, являясь необходимой составляющей таковых ввиду наступления новых времен, в которых господствовали неевропейские сверхдержавы. Как интеллектуал и патриот, Ортега должен был вспомнить в разрушенном и расколоте на две части Берлине свои посвященные европейской идее работы, написанные в 1930-е годы – как первую версию «Восстания масс», так и последующие издания с «Введением к французскому изданию» и «Послесловием к английскому изданию», с надеждой на то, что в данной ситуации его слова будут услышаны и, следовательно, будут предприняты действенные шаги для развития процесса объединения Европы. Такова была цель, которую поставил перед собой Ортега в «Размышлении о Европе»: вновь призвать к объединению в ситуации предрассветных сумерек Европы, над которой в позитивном смысле начнут размышлять в самом начале 1950-х годов⁴⁷.

В конечном счете, перефразируя самого Ортегу, берлинская лекция, посвященная европейской проблеме, стала свидетельством искренней преданности испанского интеллектуала идее объединения Европы в начале второй половины двадцатого столетия.

Послесловие для европейцев нашего времени

Если в ужасные годы второй мировой войны Ортега не переставал размышлять и писать об идее Европы, то по окончании конфликта он развивал свои идеи с еще большим рве-

⁴⁶ J. Ortega y Gasset, *Meditaciyn de...*, p. 294-295.

⁴⁷ Ср. J. Marias, *Ortega...*, p. 383-384; J. Lasaga Medina, *op.cit.*, p. 168 и 171-172.

нием. Результатом этого стала берлинская лекция «Размышление о Европе», которая со всей справедливостью должна рассматриваться как одна из основных вех, обозначивших начало процесса европейской интеграции после того, как умолкло оружие. Таким образом прокладывался широкий путь, по которому пошли европейцы в поисках новой Европы. Этой задаче посвятили себя видные мыслители современности, основываясь на багаже, оставленном античностью, – греками и римлянами, а также золотой эпохой христианства и новым временем. Актуализация идеи единой Европы была обусловлена стремлением народов к «нерушимому миру», к «хорошему правительству» и к «социальной стабильности и экономическому благосостоянию», и именно на этих трех китах началось строительство Европейского сообщества⁴⁸.

Таким образом, веху европеизма, обозначенную Ортегой в конце сороковых годов, можно поставить в один ряд с другими четырьмя, которые традиционно рассматриваются как основные импульсы процесса европейской интеграции, начавшегося по окончании второй мировой войны⁴⁹. Первой вехой или кульминационным моментом указанного импульса явился известный призыв Черчилля приступить к созданию «Соединенных Штатов Европы». Движение по направлению к объединению Европы получило свою первую и основную точку опоры в речи, произнесенной Уинстоном Черчиллем в Цюрихском университете 19 сентября 1946 года, в которой он вновь заговорил о проблемах, волновавших его в самый разгар войны, и призвал твердо и решительно приступить к построению «некоего подобия Соединенных Штатов Европы». В качестве второго момента следует рассматривать Программу

⁴⁸ Ср. G.Á. Pérez Sánchez, *El ideal europeísta...*, p. 15-31.

⁴⁹ Итак, при анализе идеи Европы и того влияния, которое она оказала на процесс интеграции, во главе которого стали политики эпохи 1950-х, мы должны ориентироваться на пять следующих вех, представленных в хронологическом порядке: (1) заявление Черчилля о необходимости создания «Соединенных Штатов Европы»; (2) Программа восстановления европейской экономики или «План Маршалла»; (3) Гагская конференция или «Конгресс Европы»; (4) берлинская лекция Ортеги: «Размышление о Европе», и (5) Декларация Шумана.

восстановления европейской экономики, или, иначе, «План Маршалла». В ситуации социально-экономического кризиса, который переживала Европа, государственный секретарь США генерал Джордж Маршалл представил публике данный план в ходе своей блистательной речи, произнесенной в Гарвардском университете 5 июня 1947 года. Проведенный с 7 по 10 мая 1948 года конгресс в Гааге, который был посвящен проблеме Европы, явил собой третью точку опоры. В итоговых документах конгресса, организованного «Международным координационным комитетом движений за единство Европы», подчеркивалась необходимость участия всех наций Старого Света в создании «экономического и политического сообщества с целью обеспечения безопасности и социального прогресса» народов; данная Конференция стала толчком для создания Совета Европы, основанного 5 мая 1949 года. Традиционно, четвертой вехой (отныне пятой, после включения Ортеги и его «Размышления о Европе») считается Декларация Шумана от 9 мая 1950 года. Благодаря усилиям Шумана, а также Жана Моне, произошло объединение национальных угольной и сталелитейной отраслей промышленности, сначала Франции и Германии, к которым вскоре присоединились Бельгия, Нидерланды, Люксембург и Италия: через год указанные страны образовали Европейское объединение угля и стали (ЕОУС).

В рамках данного процесса европеизации невозможно переоценить роль Хосе Ортеги-и-Гассета как одного из подвижников европейского единения. Как правильно отметил Гарольд Рейли, Ортега – это интеллектуал – философ европейской идеи, человек, посвятивший себя данной идее и сформулировавший целый ряд «европеистских постулатов», «которые помогали ему в деле достижения единства Европы». По словам Рейли, Ортега полагал, что «с политической точки зрения Европа является идеалом, к которому следует стремиться европейцам», и что последних нужно заставить поверить в то, что «идеал единой Европы привнесет в жизнь значение и согласованность – моральность, которые так нужны

континенту»⁵⁰. Но Ортега осознавал, что политическое объединение должно прийти позже и что на первом этапе необходимо стремиться к объединению экономики. Вот как испанский философ выразил эти мысли в октябре 1954 года, ровно через два года после образования Европейского общества угля и стали и за несколько лет до создания Европейского экономического сообщества и «Общего рынка»:

«Идея Европы и, в особенности, идея единообразно организованной европейской экономики, представляет собой единственную форму, которую мы обнаруживаем на нашем горизонте и которой можем придать идеальную динамику. Только она способна излечить наши народы от этой деморализующей несообразности между вселенским размахом их проблем и провинциальной скудостью их национальных государств. Представьте себе, какие изменения произошли бы в этих государствах, если бы бремя этих проблем было переложено на наднациональные институты, а государства освободились бы от ответственности за их разрешение. Несомненно, это приведет к снижению престижа и значения национальных государств, но именно это и кажется желательным: таким образом они смогут соразмерить свои собственные силы, положение этих государств облегчится, и в итоге им удастся завоевать такой престиж, которого у них просто нет в настоящее время.

Но все мы, даже те, кто меньше всего разбирается в этих вопросах, задаем себе вопрос: а действительно ли является возможным объединение национальных экономических систем? Каждая из них формировалась под воздействием перипетий истории и зависела от формы общества, характерной для Запада, т. е. нации. Ее собственное и особое прошлое, географическое положение, геология тяготеют над каждой из этих экономических систем. Как же можно свести их к общему знаменателю? Никто не сомневается, что эта задача – далеко не из легких, но было бы хорошо, если бы никто не сомневался также, что она неизбежна. Используя фразу, которая вот уже

⁵⁰ H.C. Raley, *op.cit.*, p. 195.

несколько месяцев не выходит из моды, скажем, что альтернативы переменам не существует (...). Структуре, в основе которой лежит национальное, должна прийти на смену структура, в основе которой лежит общеевропейское. Если не приняться энергично за это дело, мы так и будем продолжать держать оборонительную позицию с нашими национальными экономиками, а если говорить об экономике, то это самая жалкая и опасная позиция. Учитывая же то, что само производство является фундаментом коллективного существования, от которого зависит все остальное, именно эта новая форма даст нам надежды на полномасштабное политическое единение – единственное, что может спасти Запад»⁵¹.

Как уже было показано в этой статье, в истории навечно останется нерушимой связь, существующая между европейскими идеями Ортеги и постулатами создания европейского сообщества, которые ознаменовали начало процесса европейской интеграции, главную роль в котором сыграло «политическое поколение» 1950-х, с Робертом Шуманом и Жаном Монне во главе⁵². Действительно, отцы-основатели Европы взяли себе тот жизненно важный девиз, который наверняка принял Ортега: «Преодолеть унаследованное, соединив его в новой форме»⁵³.

⁵¹ «Взгляд на роль управляющего или „менеджера“ в современной ситуации» в J. Ortega y Gasset, *Obras*, IX..., p. 741-742.

⁵² Ср. G.Á. Pérez Sánchez, *La Europa Comunitaria, año cero: la puesta en marcha del proceso de integración // 50 años de la Unión Europea. Reflexiones desde la Universidad*, Oviedo, Septem Ediciones, 2001, p. 20-22.

⁵³ J.M. Beneyto, *op.cit.*, p. 127.